

Социальное пространство: опыты политической деконструкции

Social Space: Political Deconstruction Experiments

(DOI: 10.34773/EU.2021.3.32)

А. СКИПЕРСКИХ

Скиперских Александр Владимирович, д-р полит. наук, профессор кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. E-mail: pisatels@mail.ru
ORCID 0000-0001-8587-7415 Researcher ID G-8983-2015

В данной статье даётся попытка авторской деконструкции социального пространства. Используя диалектический метод, автор деконструирует социальное пространство с помощью пар оппозиции, соединение которых возвращает политическому пространству необходимую цельность.

Социальное пространство совпадает с политическим пространством. Помимо деления социального пространства на классические пары оппозиции, делается акцент и на новых размежеваниях. Наряду с базовыми расколами, существуют и новые обострения, отвечающие логике текущей современности. Делимость социального пространства не может быть бесконечной. Рано или поздно может быть актуализирован обратный процесс.

Ключевые слова: власть, деконструкция, легитимность, легитимация, общество, политический дискурс, социальные расколы, социальное пространство.

An attempt is given to the author's deconstruction of a social space. Using the dialectical method, the author tries to deconstruct the social space with the help of opposition pairs. Their combination again returns the necessary integrity to the political space. Social space coincides with political space. Examples of dividing social space using classical opposition pairs are given. Attention is also focused on new delimitations that respond to the rapidly changing political and social reality.

Along with the basic scenarios there may be new situations of exacerbation that correspond to the logic of fluid modernity. The divisibility of social space cannot be infinite. Sooner or later, the reverse process may be actualized, when everything will be subordinated to the thought of a new unity.

Keywords: power, deconstruction, legitimacy, legitimation, political discourse, society, social splits, social space.

Введение

Социальное пространство есть пространство социальной жизни. Социальный порядок подчинён определённой динамике и контролируется политическими законами. Отсюда, социальное пространство во многом совпадает с политическим пространством, которое всецело контролируется властью. При этом политическое пространство выглядит цельным и стабильным, равно как и сама власть, имеющая вечный запас прочности и неиссякаемую энергию. Власть сохраняет свою репрессивную конструкцию вне зависимости от политической ситуации. Могут меняться конкретные персоналии и политические проекты, но сама власть обладает достаточной цельностью, чтобы не зависеть от сиюминутной конъюнктуры. Подобные политические свойства вполне могут передаваться и социальному пространству.

Равно как и социальное пространство, пространство политики, несмотря на свою полноту, может выглядеть достаточно противоречиво сконструированным, легко делимым в рамках большой формы. В политическом пространстве могут постоянно открываться перспективы для сравнения, сопоставления, поиска сходства и различия составляющих его элементов. На политическое пространство может быть легко наложена какая-либо схема, позволяющая поделить его с той или иной степенью условности. Нужно отметить, что присутствующие в политическом дискурсе оппозиции как будто бы подтверждают склонность политического пространства к делению. Так, существующая оппозиции «левое/правое», или «Запад/Восток», безусловно, по своему намекают на политические различия, присутствующие в рамках одного целого.

В данной статье мы постараемся описать оппозиции, присутствующие в политическом дискурсе, и подчёркивающие существование внутри социальной сферы большого количество перегородок и ограничений. Представленные ниже примеры в рамках авторской деконструкции социального пространства с помощью политических инструментов выступят своеобразным доказательством драматургии существующих размежеваний, скрывающихся внутри общества.

Материал и методика

Попытки деконструкции социального пространства как существующего целого можно увидеть в целом ряде исследований. В частности, в своём исследовании мы ориентировались на достаточно известные оппозиции, описанные в политической науке.

Политическая горизонталь имеет свою левую часть, равно, как и правую. Отсюда возникает одна из часто встречающихся оппозиций «левое/правое», имеющая богатое теоретическое осмысление, и всякий раз по-новому изобретающее данный концепт. Частые попытки объяснить его по-своему, в рамках собственных представлений о политическом и неизменно изменяющейся политической реальности делают этот концепт неким суррогатом [9]. Деление общества на «левое» и «правое» встречается и у французского социального философа П. Бурдьё в его известном описании социального и культурного капитала общества. У П. Бурдьё определённая комбинация культурного и экономического капитала прямо влияет на политические предпочтения, с чем сложно не согласиться.

Горизонтальное измерение общества имеет свой условный Запад и Восток, определяющиеся в историческом процессе не только стереотипами, но и вполне конкретной политической практикой. Попытки увидеть сходства и различия в политических практиках условного Запада и Востока предполагали ориентацию на наблюдения французского политического философа Ц. Тодорова [12].

В политическом пространстве существует оппозиция «верх/низ». Политическое пространство представляет собой и вертикальную реальность. Мотивы подчинения всегда предполагают, что «сверху» давит некая влиятельная сила, заставляющая следовать её сигналам. Эта сила предполагает, что человек, включённый во властную вертикаль, может быть подобен велосипедисту, «который гнётся наверху и давит книзу» [14, 21]. Именно власть заставляет человека разжиматься, или складываться, то есть занимать то положение, которое ему диктуется свыше. Эта динамика легко замечается в социальной организации. Подобная способность власти была отмечена в одном из исследований политическим философом Э. Канетти [6]. Вообще, существующая политическая реальность изначально оказывается результатом насильственного установления, «на выходе» превратившегося в существующую диспозицию тех, кто оказывается наверху, и тех, кто вынужден исполнять приказы [2].

Ценным ориентиром деконструкции социального пространства выступило исследование С.М. Липсета и С. Роккана, увидевших в нём перспективы расхождения по ряду осей, разъединяющих пространство на неравные части [15]. Обращение к политической классике помогло перепроверить авторские наблюдения, сделанные в настоящее время применительно к тем или иным аспектам социальной жизни.

Результаты

Как уже отмечалось, оппозиция «левое/правое» является одной из базовых в политике. Социальное пространство также может быть описано с помощью неё. Традиции размежевания на «левое» и на «правое» восходят к рассадке парламентариев в период Французской революции. Эта оппозиция разъединяет как социальное, так и политическое пространство на две неравные части, определяемые в отношении центра, который всегда остается за властью. Левая и правая часть политического спектра по-своему отвечают за восприятие политических решений, отражая удовлетворённость текущим положением дел. Как правило, слева располагаются недовольные реформами, а справа, наоборот, их сторонники. Недовольство реформами сродни недовольству встряской, новыми проблемами, способными разрушить настроенный порядок. Как

отмечал французский политтехнолог Ж. Сегела, слева находится сердце, а справа – кошелёк, поэтому «для любой кампании левого кандидата следует избирать консервативный тон» [10, 25].

Наряду с экономическим дискурсом, оставляющим в левой части политического спектра недовольных реформами и склонных видеть в государстве источник удовлетворения собственных потребностей, существует ещё и обыденное понимание левого, как части, где располагается сердце. Вместе с тем, концепт «правый» и «правые» в большей степени ассоциируется с правдой, в то время как «левый» дискурс кажется каким-то неполноценным и сомнительным. Так как в левой части политического спектра обычно присутствует большая масса избирателей, то данное предположение может быть похоже на правду, ведь электоральное большинство часто ошибается впоследствии. Принимая во внимание совершенствование технологии управления результатами голосования, подобное предположение, вообще, вряд ли может вызвать сомнение. Вообще, в каждом обществе может скопиться определённое количество избирателей, которых можно направить вслед за какой-то привлекательной идеей. Ещё Х. Арендт предупреждала, что «потенциально “массы” существуют в каждой стране, образуя большинство из того количества нейтральных, политически равнодушных людей, которые никогда не присоединяются ни к какой партии» [1, 415].

Социальное пространство имеет свои условные Запад и Восток, а также Север и Юг. Подобные размежевания в полной мере могут объясняться особенностями электоральной географии. Как когда-то отмечал Ц. Тодоров, уровень развития политических институтов зависит от просвещённости государства, от его открытости идеям, технологиям, дискуссиям. Безусловно, такое государство не может быть авторитарным или тоталитарным. Отсюда рост демократичности политического дискурса, неизменно отмечаемый по мере продвижения на Запад [12]. Именно с этим связано усиление внимания к отдельно взятому человеку, его правам и свободам. В целом, Запад не только является некоей моделью демократии, но и обеспечивает высокие стандарты в других сферах. Показательно, что элиты усваивают их значительно раньше, нежели массы, в то время как для масс могут находиться другие утешения. Рост демократии, повышение жизненных стандартов по мере движения на Запад служат достаточными аргументами для того, чтобы представители правящего класса в авторитарных системах отправляли своих детей в западные школы и университеты, ехали туда за качественной медициной и скупали недвижимость. Неким доказательством пространственного тяготения к Западу может служить и рынок недвижимости. В частности, в России именно западное направление является максимально дорогим. Западные микрорайоны оказываются престижнее, нежели восточные. Показательным выглядит пространственное развитие Москвы.

Наряду с размежеванием на Запад и Восток, по-своему наполняется смыслами и размежевание между Севером и Югом, в рамках которого Юг зачастую отстаёт от Севера технологически, а, стало быть, и экономически. Подобные расхождения легко переносятся в политическую сферу и уже в неё служат источниками конструирования различных политических мифов. При этом общество будет поддерживать любую пространственную спецификацию, если она при этом станет предметом постоянной актуализации со стороны власти. Р. Инглхарт и К. Вельцель обращали внимание на подобную опасность, когда власть обосновывает «в глазах бедняков необходимость существующего строя» [5, 42].

Любое социальное пространство заимствует от политического перспективы вертикальной организации, которая невозможна без определённой санкции власти. Вертикализированность пространства всегда намекает на неравенство, что также является проблемой социальной, равно как и политической. Именно поэтому как в социальном, так и в политическом пространстве всегда можно найти как верх, так и низ, находящиеся в оппозиции друг к другу. Существование конфликта между низом и верхом может предвещать формирование политического кризиса и революционной ситуации, о чём когда-то говорил В. Ленин в перефразированном сегодня высказывании о том, что верхи не могут, а низы не хотят [7, 300].

Доказательством вертикально организованного политического порядка могут служить многочисленные иерархии власти, которые пронизывают всё политическое тело. В социальной науке вертикальная организация общества доказывается наличием систем стратификации, достаточно чётко разъединяющих верх и низ.

В некоторых политических системах эта стратификация представляется в специфическом национальном измерении. В частности, в Российской империи это могла быть 14-классная «Табель о рангах», разрывавшая социальное поле на тех, кто имеет право, и тех, кто фактически оказывается бесправным.

Зафиксированное в империи расслоение получает своё разрешение и в СССР, когда «верх» и «низ» начинают чётко конструироваться в рамках советской партийной номенклатуры, о чём когда-то убедительно высказался М. Восленский в работе «Номенклатура» [4].

Ситуация доминирования верха над низом – элиты над массами – раскрывается в политических дискурсивных практиках. Язык подчиняющегося в таком случае будет предельно зарегламентирован. Политический дискурс будет постоянно намекать на ситуацию подчинения. В частности, Ю. Лотман приводит примеры того, насколько сложной была система делопроизводства в Российской империи в контексте обращений к вышестоящим чиновникам, когда «чин пишущего и того, к кому он обращается, определял ритуал и форму письма» [12, 45]. Неслучайно, нелепые описки загруженной бюрократии могли стоить человеку жизни, либо приводить к курьёзным и абсолютно сюрреалистическим последствиям [13].

Наконец, важной оппозицией, раскалывающей социальное пространство, выступает оппозиция «центр/провинция». В ней город с его возможностями противостоит провинции, сохраняющей социальную традицию и медленный жизненный ритм. Нужно понимать, что город (особенно столичный город) в любой культуре представляется средоточием возможностей, выступая в качестве тренажёра «машины роста и развития», о чём высказывался американский исследователь Х. Молотч [16].

Нет сомнений, что именно в крупных городах наблюдается сосредоточение политических институтов, событий и их экспертизы. Политический процесс получает постоянное информационное сопровождение именно там, чего нельзя сказать о провинции. Именно центр выступает средоточьем политического многообразия, в то время как в провинции можно отмечать определённый дефицит политических институтов, что является показателем определённого социального истощения. Для обеспечения бесперебойного функционирования государства требуется достаточно большой бюрократический аппарат.

Оппозиция центра и провинции (периферии) присутствует в теории размежеваний у С.М. Липсета и С. Роккана. Исследователи предложили несколько осей размежевания в социальном и политическом пространстве, каждая из которых в политической реальности обрастает реальными сюжетами и драматургией. В частности, помимо указанной оси размежевания, политологи предлагают разделять политическое пространство по осям «государство/церковь», «сельское хозяйство/город» и «капитал/наёмные рабочие». Экономические предпосылки указанных расколов, безусловно, легко капитализируются в политике, привлекая внимание политических штудий.

Безусловно, выше перечислены классические размежевания, описанные политической наукой. На самом деле их может быть гораздо больше. Автором уже предпринимались попытки их описания в одном из текстов [11]. Нужно отметить, что поиск оппозиций превращается в занимательную штудию, и показывает всеохватность социального пространства и его постоянную зависимость от происходящих политических процессов.

Обсуждение

Предложенные размежевания в социальном пространстве не исчерпывают потенциал его деления. Расколы в обществе могут случаться и по перманентным вопросам, причём неожиданно, запутывая и без того сложные пунктиры общественного консенсуса.

В частности, в современной России, помимо указанных расколов, могут существовать и более ситуационные, накладывающие на уже присутствующие разделения свой причудливый узор. В современном политическом дискурсе такими темами может быть восприятие COVID-19, необходимость масочного режима или согласия вакцинироваться. Российские регионы по-разному преодолевают ограничения пандемии.

Вообще, во многих субъектах РФ могут существовать тлеющие конфликты, разводящие общество по обе стороны баррикад. Вспомним, как во многих регионах актуализировались экологические противостояния местных жителей с представителями бизнеса. Вопрос качества городской среды заставляет людей группироваться для защиты собственных интересов, моментально политизируя их, и подключая их локальные интересы к проблемам конструирования социального пространства в целом.

Появление новых расколов в социальном пространстве может объясняться частыми сменами позиции участников политического процесса. В свою очередь, каждый раз это приводит к новой диспозиции, к смене планов и условий для политической деятельности. Принимая во внимание мысль, некогда высказанную английским социальным философом З. Бауманом, мир вовлекается в «текучую современность» – постоянное перемещение и перетекание субъектов, включенных в политический процесс, их слабую приверженность традиции и когда-либо оставленным обещаниям [3]. Социальная реальность становится всё более конъюнктурной и ситуационистской, а политические решения зачастую принимаются по ситуации. Большое количество подтверждений данному тезису можно найти в декларациях и практиках государственной дипломатии, легко сближающейся со своими государственными противниками, равно как и расходящимися с ними по малейшему незначительному поводу. На наш взгляд, достаточно показательными могут быть здесь дипломатические отношения России и Турции, напоминающие езду по американским горкам.

Текучесть социального процесса, в принципе, говорит о живучести тех политиков, которые готовы к постоянной мимикрии и конъюнктурному преобразению. Но ведь именно от таких политиков зачастую и зависят «правила игры» в социальном общежитии. Отсюда, на социальные практики могут транслироваться специфики политического стиля в текучей повседневности. В политическом дискурсе будут чувствоваться постоянные маскировки и умолчания, позволяющие с наименьшими потерями для себя преодолевать возникающие расколы и поддерживать необходимый запас легитимности. Отсутствие принципов уже не является страшным грехом. Наоборот, следование принципам, жесткую и последовательную позицию того или иного политика, сегодня можно увидеть всё реже и реже. Следование подобному политическому стилю в современной политике превращается в очень опасное занятие.

Выводы

Таким образом, социальное пространство, несмотря на свою видимую цельность, обладает потенциалом деления на составные части. Существующие расколы в социальном пространстве отражают конфликтное состояние самого общества, вынужденного скреплять хрупким консенсусом противостоящие друг другу части. Наряду с базовыми сценариями расколов, описанными современной политической наукой, могут существовать и новые ситуации обострения, вполне отвечающие логике постмодерна и текучей современности. Вместе с тем делимость социального пространства не может быть бесконечной, и всё равно рано или поздно может достигнуть точки невозврата, своей крайней черты, когда может быть актуализирована идея новой мобилизации и стягивания распавшегося политического каркаса.

Быстрая смена планов в политическом процессе выглядит двояко, но вместе с тем моментально отзывается на качестве социального пространства. С одной стороны, создаётся ощущение жизни, отсутствия застоя, политике добавляется важная динамика и необходимый *action*. С другой стороны, у подобного движения, означающего постоянную смену планов и риторики, существуют и вполне определённые риски. Быстрое продвижение политиков к своей цели, буквально «по головам», отсутствие принципов и обязательств создают угрозу для легитимности

нового политического класса, у которого сегодня практически не существует реальной поддержки со стороны общества.

Литература

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
3. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
4. Восленский М. Номенклатура. М.: Захаров, 2015. 640 с.
5. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2010. 463 с.
6. Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997. 527 с.
7. Ленин В. Маёвка революционного пролетариата // Полное собрание сочинений. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. 594 с.
8. Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX века). СПб.: Азбука, 2017. 608 с.
9. Сартори Д. Искажение концептов в сравнительной политологии. // Политические исследования. Полис. 2003. № 4. С. 152–161.
10. Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. М.: Вагриус, 1999. 263 с.
11. Скиперских А.В. Воображаемое общество: политические этюды и интерпретации / А.В. Скиперских. Липецк: Колор, 2021. 56 с.
12. Тодоров Ц. Дух Просвещения. М.: Московская школа политических исследований, 2010. 120 с.
13. Тынянов Ю. Кюхля. Рассказы. М.: Правда, 1981. 560 с.
14. Эткин Е. Записки незаговорщика. London: Overseas Publications Interchange, 1977. 486 с.
15. Lipset S.-M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective, Lipset S.-M., Rokkan S. New York, London: Free Press, 1967. P. 1–61. DOI: 10.1007/978-3-531-90400-9_68
16. Molotch H. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82, No 2. P. 309–332.

Брендинг современного города как туристического центра: сравнительный анализ стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Branding a Modern City as a Tourist Center: Asia-Pacific Countries Comparative Analysis (DOI: 10.34773/EU.2021.3.33)

Ю. ДОРОЖКИН, Р. ШИШКИН

Дорожкин Юрий Николаевич, д-р филос. наук, заведующий кафедрой политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, профессор кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ). E-mail: dorword@mail.ru

Шишкин Роман Анатольевич, магистрант кафедры социальных и политических коммуникаций УГНТУ. E-mail: roman2442238@mail.ru

Статья представляет собой анализ процессов брендинга современного города как туристического центра в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Выделяется общее и особенное в PR-стратегиях и PR-инструментах брендинга крупнейших городов Японии, Китая и Республики Кореи. Выявляются современные тенденции в области брендинга городов АТР, их нацеленность на эффективную связь городского бренда с городом, его местной спецификой, историческими, культурными и иными отличиями и достоинствами. Раскрыты национальные акценты городского брендинга в разных странах АТР: в Японии, Китае и Республики Кореи.